

Глава 5

Хуа Тинсюань вовсе не обиделся на то, что ему постучали по голове. Напротив, он довольно прищурился — ему доставляло огромное удовольствие любое проявление близости со стороны старшего брата.

И вот, великий мастер по фамилии Хуа, чья душа на самом деле насчитывала уже сотни лет и чьи подвиги по покорению мира людей, демонов и небожителей остались далеко позади, мелкими шажками, вприпрыжку семенил за Чу Даньфэном. На ходу он по-детски, тонким голоском спросил:

— Старший брат, а этот Ли Бань — тот самый злодей, который когда-то причинил тебе вред?

Чу Даньфэн замер:

— Откуда ты знаешь?

Хуа Тинсюань, не моргнув глазом, выпалил первое, что пришло в голову:

— От Фан Цинъя слышал.

Чу Даньфэн нахмурился:

— Соблюдай субординацию. Это твой четвертый старший брат, как ты можешь называть его просто по имени?

В душе же он проворчал: «У этого Фана язык без костей, хотя та история и так стала притчей во языцех, секретом ее не назовешь».

Когда-то в юности Чу Даньфэн одним из первых в секте Шуанцзи достиг стадии Золотого ядра. Он был лучшим среди молодых учеников и блистал на всех фронтах. Однажды его отправили возглавить отряд для борьбы со злыми духами, и Ли Бань был в его команде.

То существо оказалось демоническим монстром, чья сила значительно превосходила ожидания и была сравнима с практиком стадии Зарождающейся души. Отступить было поздно, и отряд решил объединить усилия, чтобы выстроить магический массив.

Все было готово, но в самый ответственный момент Ли Бань допустил ошибку. В массиве образовалась брешь, и Чу Даньфэну, находившемуся в самом центре, пришлось отвлечься, чтобы залатать ее. В итоге массив устоял, но сам Чу Даньфэн пострадал от обратного удара: его развитие откатилось на целую ступень, а Золотое ядро раскололось на месте.

Вернувшись в секту, Ли Бань оправдывался тем, что не хотел навредить, мол, ошибся из-за недостатка мастерства, и готов понести любое наказание. В таких делах сложно было доказать, было ли это злым умыслом или просто неумелостью — все зависело лишь от того, кто громче кричит. В конечном счете Ли Баня наказали, но Чу Даньфэн был сломлен. Даньтянь — это

основа, позволяющая практику управлять потоками истинной энергии, и его повреждение практически перекрывало путь к бессмертию.

— Старший брат, ты ненавидишь его? — голос Хуа Тинсюаня вырвал Чу Даньфэна из воспоминаний.

Ненавидит ли? Сказать, что совсем нет — значит соврать. Но на самом деле это был лишь сюжет, прописанный системой. Не было бы Ли Баня — нашелся бы Чжан, Ван или Чжао... Однако боль от расколотого ядра была настоящей. Даже сейчас, вспоминая это, он чувствовал ту раздирающую муку внизу живота, словно невидимая рука сжала внутренности и раздавила их по очереди. Даже после того, как система применила высшие привилегии и приглушила боль на пятьдесят процентов, он все равно потерял сознание от мучений.

Выполнять задания — дело не из легких. Да уж, во взрослом мире нет ничего простого.

Однако Чу Даньфэн не хотел грузить ребенка столь тяжелыми темами. Уклонившись от прямого ответа, он сказал:

— Это Ли Бань меня ненавидит. Каждый раз, когда мы встречаемся, он язвит, а я даже не знаю, чем ему насолил.

Хуа Тинсюань внезапно спросил:

— Старший брат, а у Ли Баня ведь есть старший наставник по имени Лю Яньбай?

При упоминании этого имени лицо Чу Даньфэна тут же переменялось. Было видно, что он не желает продолжать разговор, а на все расспросы лишь бросил: «Он извращенец». Подумав немного, он добавил для предосторожности:

— Если встретишь его, держись подальше.

Услышав, как старший брат называет Лю Яньбая извращенцем, Хуа Тинсюань, казалось, обрадовался, но тут же нахмурился, погружившись в глубокие раздумья. Если бы такое выражение лица было у взрослого, оно выглядело бы серьезным и многозначительным, но на пухлой детской мордашке... это вызывало лишь желание ущипнуть его за щеки.

Чу Даньфэн не удержался и действительно это сделал. Пухлые щеки Хуа Тинсюаня сжались, и его голос исказился:

— Старший брат, кто бы тебя ни обидел, я отомщу за тебя!

Чу Даньфэн отпустил его и растрепал тугой пучок на макушке:

— Не прошу тебя заступаться, лишь бы ты сам в будущем не ответил злом на добро.

Что значит «не ответь злом на добро»? С чего бы старшему брату говорить такое на пустом месте? Хуа Тинсюань, чувствуя за собой вину, был особенно чувствителен. Он прокручивал эти слова в голове, и вдруг его осенило: странное поведение брата после перерождения... Ответ был так близок, но он боялся даже думать об этом. Он застыл на месте, а руки и ноги похолодели.

Неужели старший брат тоже... Нет! Это невозможно! Если бы он помнил все прошлые обиды и унижения, он бы ни за что не простил его! Да и быть этого не может. Жемчужина Собираения душ была только одна, для перемещения сквозь пространственные врата требовалось живое тело, а брат тогда... его душа была полностью развеяна.

— О чем задумался? — Чу Даньфэн слегка постучал черенком веера по голове ребенка. — Пошли, если прибавим шагу, успеем купить засахаренных фруктов в лавке Чжана в городе Хуаян.

Хуа Тинсюань поднял голову и увидел, как Чу Даньфэн с беззаботной улыбкой подмигнул ему:

— Не бойся, денег хватит! Я у них частый гость, могу взять в долг!

...Совсем не похоже на человека, который несет в себе груз прошлой жизни. Наверное, он зря накручивает себя.

Ли Бань вместе с Тан Индун и другими младшими сестрами выбрал другой путь и на мечах отправился прямо к горе Хуань. У каждой секты были свои территории, где они оберегали простых людей от демонов и получали доступ к ресурсам. Хоть гора Хуань и не была наполнена духовной энергией так густо, как секта Шуанцзи, она тянулась на тысячи миль, и в ее глубинах росло множество редких трав — нужно было лишь иметь сноровку, чтобы их добыть.

Ли Бань изначально задирали Чу Даньфэна лишь ради того, чтобы насолить ему, но после того, как Тан Индун вытянула задание по поиску древесины Ухуань, он пожалел об этом. А когда они по-настоящему оказались в пути, он был готов рвать на себе волосы.

Задание оказалось таким же нудным, как он и предполагал. Огромная гора, поиск с одним лишь компасом, полдня ходьбы и никаких результатов, да еще и постоянный щебет девушек, которые обсуждали того, кого он терпеть не мог — Чу Даньфэна.

— Не ожидала, что Чу-шисюн такой красавец, когда сменит свои черные одежды на другие.

— Дело не только в одежде. Он стал выглядеть гораздо лучше, даже улыбаться начал.

— Наверное, внутреннее состояние изменилось. В этот раз он кажется таким открытым. Эх, все говорят, что у Чу-шисюна тяжелый характер, но на самом деле ему просто не повезло. Кто бы

на его месте...

Она не успела договорить, как подруга дернула ее за рукав. Девушка прикусила язык и замолчала, а ученицы пика Куньдуань виновато покосились на Ли Баня. До сих пор в секте ходили слухи, что Ли Бань намеренно подставил Чу Даньфэна. В конце концов, они никогда не ладили — точнее, это Ли Бань в одиночку точил зуб на Чу Даньфэна.

Ли Бань не стал скрывать раздражения:

— Этот наглец Чу Даньфэн, кроме смазливой мордашки, хоть на что-то годен?

Тан Индун не удержалась и спросила:

— Ли-шисюн, почему ты так ненавидишь Чу... Чу Даньфэна?

Одна из учениц быстро добавила:

— Потому что он подлиза? Или потому что не понимает людей и только и знает, что практиковаться, слишком уж он корыстный?

Ли Бань покачал головой, в его глазах отразилось сложное чувство:

— Потому что он не знает своего места и совсем не достоин... К тому же, меня тошнит от его женственной внешности. Мужчина, а выглядит как девица, противно!

Тан Индун не согласилась:

— Чу-шисюн красив, но не женственен. Ли-шисюн, так говорить несправедливо...

Она не успела договорить, как из густой чащи выскочил странный огромный зверь. Его рев сотряс верхушки деревьев. Присмотревшись, они увидели, что глазницы чудовища пусты, а из них струится черный дым. Зверь преградил им путь.

— Это зверь Тао! Демоническая тварь, как она здесь оказалась?

— А-а-а, это задание совсем не начального уровня!

— Гора Хуань питается духовными жилами секты Шуанцзи, откуда здесь монстры из мира демонов? Что могло его привлечь?

В этот момент Ли Бань внезапно вскрикнул от боли. Его тело начало раздуваться, ученическая роба треснула, обнажив руку, окутанную черным дымом. Его аура стала в точности такой же, как у демонического зверя. Девушки в ужасе закричали.

Из-за того, что с ним был «балласт», Чу Даньфэн так и не купил фрукты. Малыш шел медленно, каждые несколько минут ныл, что устал, и требовал взять его на ручки. Чу Даньфэн хоть и был практиком, но сейчас находился лишь на стадии Возведения фундамента, и постоянно поддерживать заклинание для ношения ребенка было нереально. К тому же младший брат, хоть и выглядел маленьким, был на удивление тяжелым — кости у него были крепкими. Поначалу Чу Даньфэн еще находил силы нести его, но вскоре выдохся. В итоге, стоило Хуа Тинсюаню пожаловаться, как они устраивали привал. Обессиленный Чу Даньфэн с каменным лицом позволял ребенку карабкаться на себя, обниматься и целоваться — эта его обреченная покорность судьбе была так похожа на поведение молодого родителя, которого жизнь (и сын) лишила всяких амбиций.

Из-за этого они сильно задержались, и когда вдалеке показались дымки над деревней Таохуа, уже смеркалось.

— Хорошо, что успели до темноты, иначе пришлось бы ночевать в пещере, — Чу Даньфэн с облегчением выдохнул. Он хотел поторопить ребенка, но вдруг остановился, прижал голову Хуа Тинсюаня к себе и прошептал: — Затаи дыхание, не двигайся.

Через мгновение он разжал руку. Хуа Тинсюань, зная ответ, спросил:

— Старший брат, что случилось?

— Демоническая аура, — нахмурился Чу Даньфэн. — Но почему-то эта тварь чего-то испугалась и сбежала, как только появилась. Неужели нас испугалась?

Хуа Тинсюань сейчас был лишь маленьким ребенком без зачатков духовной энергии, а сам Чу Даньфэн — практиком стадии Возведения фундамента. Он не верил, что может так напугать монстра. Хуа Тинсюань, который только что сам и прогнал монстра, театрально вцепился в бедро Чу Даньфэна и задрожал:

— Сянь-эр боится.

Чу Даньфэн беззвучно вздохнул. Даже будучи главным героем, сейчас он всего лишь несмышлениш, как ему не бояться? В сердце Чу Даньфэна, который растил этого ребенка уже две жизни, проснулась нежность. Он обнял младшего брата за спину и похлопал:

— Не бойся, я здесь. Раз тварь ушла, давай переоденемся, прежде чем войдем в деревню.

Хуа Тинсюань, которому очень нравилось держаться за бедро брата, спросил:

— Зачем?

Чу Даньфэн слегка кашлянул:

— Если эта тварь поймет, что мы ученики бессмертной секты, она может испугаться и больше не появиться. Скроем наши личности, чтобы не спугнуть ее.

Хуа Тинсюань послушно кивнул:

— Понял, скрыть дыхание.

«Это мне нужно скрывать дыхание, а тебе-то чего скрывать, мелкота», — подумал Чу Даньфэн, но не стал гасить детский энтузиазм. Достав из мешочка обычную одежду, они переоделись и вошли в деревню.

Похоже, они не опоздали: злое существо еще не успело устроить масштабный хаос. В деревне царил мир, люди сидели под персиковыми деревьями после ужина, но почти одни старики, женщины и дети — молодых мужчин почти не было.

Завидев чужаков, дети с любопытством окружили их. Даже в простой одежде оба выглядели необычайно статно: один с пухлыми губами и белой кожей, другой — словно выточенный из нефрита. Дети никогда не видели таких красавцев и замерли, глядя на них. Чу Даньфэн улыбнулся:

— Кто-нибудь знает, где найти старосту?

Мальчик, ровесник Хуа Тинсюаня, вытирая нос рукавом, указал на старика под деревом:

— Вот он!

Старик тоже смотрел на них. Чу Даньфэн вежливо сложил руки в поклоне:

— Почтенный, мы в пути, застала ночь. Не позволите ли нам переночевать у вас?

Старик прищурился, оглядывая их, приняв за знатных господ, и покачал головой:

— У нас тут еда простая, не для таких важных гостей.

Чу Даньфэн:

— Нам бы только крышу над головой, будьте добры.

— Не то чтобы я не хотел, но в деревне сейчас неспокойно. Злой дух творит беды, уже несколько молодых парней погибло. Особенно таких, как ты, нежных и ухоженных... Уходи лучше отсюда поскорее!

Чу Даньфэн вытянул вперед маленького Хуа Тинсюаня и мягко сказал:

— Я-то ладно, но мой сын еще мал и не вынесет дороги. Прошу, будьте снисходительны, за платой не постою.

Хуа Тинсюань в шоке поднял голову, его черные глаза округлились.

СЫН?

СЫ-Ы-ЫН?!

<http://bllate.org/book/20986/2130545>